

НЕИЗВЕСТНАЯ РЕФОРМА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ФИНАНСОВЫХ ОСНОВ СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В КОНЦЕ 1980-Х ГОДОВ И ЕЁ ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Шершуков Александр Владимирович

Соискатель, ФГБОУ ВО Московский педагогический
государственный университет
asher2@yandex.ru

UNKNOWN REFORM: TRANSFORMATION ORGANIZATION AND FINANCIAL FOUNDATIONS OF SOVIET UNIONS AT THE END 80TH AND LONG-TERM EFFECTS

A. Shershukov

Summary: The article explores a little-studied aspect of late Soviet history - the profound reorganization of the All-Russian Central Council of Trade Unions, carried out in 1987–1990. Based on a comprehensive analysis of the transcripts of congresses and plenums, decisions of the governing bodies of trade unions, as well as budget reports, the process of developing and implementing a package of radical measures aimed at decentralizing financial flows, reducing the management staff and redistributing powers is being reconstructed. The author concludes that these reforms, motivated by the desire to overcome bureaucratization and formalism in the context of perestroika, led to a systemic disintegration of the trade union vertical, a sharp reduction in its financial and human resources. This weakened the ability of trade unions to perform a stabilizing function during the growing socio-economic crisis on the eve of the mass strikes of 1989–1991. The legacy of these transformations, perceived by the Federation of Independent Trade Unions of Russia in the form of confederate principles of construction and financial regulations, continues to have a significant impact on the structural weakness and limited effectiveness of the modern Russian trade union movement.

Keywords: All-Russian Central Council of Trade Unions, trade unions of the USSR, perestroika, management reform, decentralization, trade union budget, organizational structure, social crisis, institutional legacy.

Аннотация: В статье исследуется малоизученный аспект позднесоветской истории — глубинная реорганизация Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), осуществленная в 1987–1990 гг. На основе комплексного анализа стенограмм съездов и пленумов, решений руководящих органов профсоюзов, а также бюджетной отчетности реконструируется процесс разработки и реализации пакета радикальных мер, направленных на децентрализацию финансовых потоков, сокращение управленческого аппарата и перераспределение полномочий. Автор приходит к выводу, что данные реформы, мотивированные стремлением преодолеть бюрократизацию и формализм в условиях перестройки, привели к системной дезинтеграции профсоюзной вертикали, резкому сокращению её финансового и кадрового потенциала. Это ослабило способность профсоюзов выполнять стабилизирующую функцию в период нарастания социально-экономического кризиса накануне массовых забастовок 1989–1991 гг. Наследие этих преобразований, воспринятое Федерацией независимых профсоюзов России в виде конфедеративных принципов построения и финансовых нормативов, продолжает оказывать существенное влияние на структурную слабость и ограниченную эффективность современного российского профсоюзного движения.

Ключевые слова: ВЦСПС, профсоюзы СССР, перестройка, реформа управления, децентрализация, профсоюзный бюджет, организационная структура, социальный кризис, институциональное наследие.

Эпоха перестройки (1985–1991 гг.) традиционно рассматривается в историографии через призму масштабных политических и экономических преобразований, таких как гласность, демократизация политической системы, попытки хозяйственных реформ. Однако параллельно с этими процессами происходила менее заметная, но не менее значимая трансформация крупнейших общественных институтов Советского Союза, призванных обеспечить связь между государством и обществом. Одним из таких институтов была система профессиональных союзов, объединенных под эгидой Всесоюзного центрального совета профессиональных

союзов (ВЦСПС) [3].

К середине 1980-х гг. ВЦСПС представлял собой гигантскую, бюрократизированную структуру с жесткой централизацией финансов и управления, тесно встроенную в аппарат управления государством, наряду с партийно-государственным аппаратом. Его функции давно вышли за рамки классического профсоюзного представительства интересов работников, включив в себя управление обширной социально-культурной и курортно-оздоровительной инфраструктурой. Кризис легитимности этой системы, её неспособность адекват-

но реагировать на нарастающие социальные проблемы отдельно артикулировалась на фоне общей критики «застоя».

В данной статье предпринимается попытка детально проанализировать внутреннюю реформу ВЦСПС, инициированную «сверху» в русле общей риторики перестройки, но быстро вышедшую из-под контроля и приведшую к серьезным негативным последствиям. Основное внимание уделяется ключевому периоду 1987–1989 гг., когда были сформулированы и приняты основные решения, определившие дальнейшую судьбу советских профсоюзов. Цель работы — не только реконструировать ход дискуссий и содержание реформ, но и оценить их роль в ослаблении институционального потенциала профсоюзов в момент острого социального кризиса, а также проследить преемственность между советскими реформами и структурой постсоветского профсоюзного движения в России.

Источниковая база, методология и историографический контекст

В историографии тема реформы ВЦСПС в конце 1980-х гг. не получила комплексного освещения. В работах, посвященных истории перестройки и рабочего движения, профсоюзы обычно упоминаются в контексте забастовок 1989–1991 гг., как правило, с констатацией их пассивности и кризиса. Внутренние процессы, приведшие к этой пассивности, остаются в тени. Немногочисленные исследования, затрагивающие данную проблему, фокусируются либо на общих идеологических установках, либо на финальном этапе распада ВЦСПС [6; 7]. Настоящая статья призвана заполнить эту лауну, предложив детальную реконструкцию «механизма разборки» ключевого общественного института изнутри.

Исследование опирается на корпус архивных документов и официальных публикаций, позволяющих восстановить внутреннюю динамику реформы.

Основу источниковой базы составляют:

Стенограммы XVIII съезда профсоюзов СССР (февраль 1987 г.), а также II (декабрь 1987 г.), III (август 1988 г.), IV (январь 1989 г.) пленумов ВЦСПС. Эти материалы уникальны тем, что фиксируют не только программные выступления руководства, но и живую, часто острую полемику делегатов с мест, раскрывая спектр интересов и конфликтов внутри самой профсоюзной системы. Данные бюджета ВЦСПС являются ключевым индикатором практических последствий принимаемых решений. Воспоминания и интервью отдельных участников событий позволяют дополнить официальную картину.

Методологически работа строится на принципах ин-

ституциональной истории и исторической социологии. Реформа ВЦСПС рассматривается как процесс организационных изменений, в котором переплелись идеологические установки перестройки (демократизация, борьба с бюрократией), ведомственные интересы разных уровней профсоюзной иерархии, а также объективные финансовые и управленческие проблемы. Особое внимание уделяется анализу дискурса: как критика «бюрократизма» использовалась для продвижения конкретных мер по перераспределению ресурсов и власти.

Истоки реформы: критика бюрократизма и поиск новых путей (1987 г.)

XVIII съезд профсоюзов СССР в феврале 1987 года стал отправной точкой публичной критики системы. Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева задавало общий тон, обвинив профсоюзы в формализме, «показухе» и создании «бумажного двигателя» соревнований [1]. Однако эта критика носила общий характер. Конкретные предложения по изменению ситуации исходили от председателя ВЦСПС С.А. Шалаева.

В его докладе содержались две ключевые инициативы, определившие дальнейшую повестку:

1. Финансовая децентрализация. Шалаев предложил экспериментально предоставить местным советам профсоюзов право централизовать у себя 5–7% членских взносов для развития местной санаторной сети. Это был первый, осторожный шаг к подрыву жесткой сметной финансовой системы ВЦСПС.
2. Сокращение аппарата. Было заявлено о продолжении курса на сокращение штатов, в результате которого уже было ликвидировано более 41 тыс. должностей. При этом подчеркивался рост профсоюзного бюджета (до 3,8 млрд руб.) и огромная материальная база (тысячи здравниц, клубов, стадионов), что указывало: сокращения мотивировались не финансовой нуждой, а политической волей к «оптимизации» [8].

Уже на съезде прозвучали голоса с мест, требовавшие гораздо более радикальных шагов. Делегаты (например, В.И. Авдеева - председатель Ипатовского райкома профсоюза работников АПК Ставропольского края, В.В. Кузьмичев - сборщик покрышек Ярославского шинного завода) прямо говорили о необходимости «решительно пересмотреть надстройку», сократить центр и укрепить низовые комитеты, предоставив им реальную самостоятельность в расходовании средств. Критике подвергалась «жесткая регламентация сверху» и обилие вышестоящих структур, дублирующих друг друга. Таким образом, руководство ВЦСПС, запуская реформу, сразу столкнулось с требованием «большой демократии» снизу, которое пошло гораздо дальше первоначальных планов.

Дискуссии и решения (1987–1988 гг)

Последующие пленумы ВЦСПС стали ареной острой борьбы между различными группировками внутри профсоюзной системы.

Основными полюсами противостояния были:

Отраслевые профсоюзы (ЦК отраслевых профсоюзов), отстаивавшие отраслевой принцип построения и роль «среднего звена» (областных комитетов – обкомов).

Территориальные советы профсоюзов (совпрофы), стремившиеся усилить свою роль за счет перераспределения полномочий и финансов отраслевых структур.

Первичные профсоюзные организации, интересы которых часто озвучивали делегаты от рабочих коллективов, требовавшие оставить максимум средств на местах.

На II пленуме ВЦСПС (декабрь 1987 г.) обсуждение приобрело конкретные формы. Подвергалась сомнению сама логика существования более 30 отраслевых профсоюзов (Н.Д. Цикорев - председатель Орловского областного совета профсоюзов). Выдвигались проекты радикальной структурной перестройки, такие как предложение председателя Ставропольского краевого совета В.В. Калягина о создании единых городских и районных советов профсоюзов на базе ликвидированных отраслевых комитетов. Реализованный в виде «ставропольского эксперимента» (а также в Гурьевской и Куйбышевской областях), этот подход, основанный на приоритете территориального, а не отраслевого принципа, впоследствии привел, по признанию многих, к дезорганизации работы и конфликтам.

Одновременно нарастала финансовая проблема. Бюджет ВЦСПС на 1988 год, утвержденный с дефицитом в 320 млн рублей, впервые был сбалансирован не за счет доходов, а за счет расходования остатков, накопленных за предыдущие годы. Это стало прямым следствием политики децентрализации и предвестником будущих финансовых трудностей.

III пленум ВЦСПС в августе 1988 года подвел черту под дискуссиями и утвердил пакет радикальных решений, который можно считать кульминацией реформы:

1. Размывание прежнего жесткого финансового норматива. За первичной профорганизацией законодательно закреплялось право оставлять у себя не менее 65% поступающих членских взносов. Централизация средств допускалась только с разрешения профсоюзных собраний.

2. Массовое сокращение аппарата. Было принято решение о сокращении штатов органов областного, краевого, республиканского и союзного уровня на 25% (около 10 900 единиц). В совокупности с предыдущими сокращениями это означало уменьшение аппарата более чем на 30% за три года.

3. Формальная демократизация. Вводились выборы профсоюзного руководства из нескольких кандидатур тайным голосованием, выборы председателей профкомов на собраниях, сокращение отчетности, ограничение сроков выборности двумя периодами [2].

Эти решения вызвали шквал критики со стороны представителей среднего звена, прежде всего отраслевых профсоюзов. Их аргументы были прагматичными и тревожными:

- Потеря управляемости и специфики. М.В. Ихарлова (председатель ЦК профсоюза текстильщиков) указывала на нелогичность ликвидации именно отраслевого звена, которое лучше всего понимает специфику труда.
- Нереалистичность сокращений. В.А. Соловьев (председатель Кемеровского теркома профсоюза работников угольной промышленности) привел конкретные цифры: его малочисленный аппарат обслуживал 130 первичек в 17 населенных пунктах, выполняя массу координационных функций, которые не смогут взять на себя ни совпроф, ни ЦК.
- Механический подход. Н.И. Лубенников (председатель Новосибирского облсовпрофа) критиковал «арифметический» подход в 25%, требуя сначала определить новые функции профсоюзов, а потом уже под них выстраивать структуру.
- Опасность перегрузки совпрофов. В.А. Сологуб (председатель Украинского республиканского совета профсоюзов) подсчитал, что в результате сокращений на каждый областной совет на Украине будет приходиться в среднем 290 организаций, функции которых совпрофы физически не смогут выполнить.

Несмотря на эти предостережения, пакет реформ был принят. Возражения были проигнорированы под лозунгами демократии и борьбы с бюрократией. Председатель ВЦСПС С.А. Шалаев, отвергая альтернативные предложения, апеллировал к прямой демократии, рисуя образы несправедливости, когда средства лесников Архангельской области идут на строительство манежа в городе, где они не бывают.

Наследие реформы: непосредственные последствия и институциональное наследие

Реализация решений 1988 года привела к быстрым и негативным результатам:

1. Финансовое ослабление. Бюджеты совпрофов, отраслевых ЦК и самого ВЦСПС резко сократились. Профсоюзы лишились накопленных резервов и устойчивого потока средств.
2. Организационная дезорганизация. Массовое сокращение квалифицированного аппарата, особенно на уровне обкомов, разрушило каналы коммуникации, координации и методической помощи первичным организациям. Система лишилась «мозгового центра».
3. Утрата функциональности. Ослабленные и дезорганизованные профсоюзные структуры оказались не готовы к последующим вызовам нарастающего экономического кризиса: задержкам зарплат, росту цен, закрытию предприятий.

К лету 1989 года, когда начались массовые забастовки шахтеров, профсоюзы ВЦСПС были не тем институтом, который мог бы эффективно канализировать социальный протест, вести переговоры от имени работников или выступать стабилизирующим посредником между трудовыми коллективами и властью [4]. Их структуры на местах, с уменьшенными ресурсами и отсутствием эффективной поддержки сверху, часто просто бездействовали, либо шли в фарватере стихийного движения. Таким образом, реформа, направленная на «оживление» профсоюзов, парадоксальным образом нанесла им ущерб как эффективному институту социального представительства, именно в момент острейшей в этом необходимости.

Созданная в 1990 году Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) как преемник ВЦСПС унаследовала ключевые организационные принципы, заложенные реформой конца 1980-х:

1. Норматив «не менее 65% взносов» (а зачастую и более), закрепляющий средства за первичкой, стал «священной коровой». Это резко ограничило возможности создания сильных отраслевых или региональных структур, способных вести масштабные переговоры или организовывать коллективные действия.
2. Конфедеративный принцип построения, допускающий легитимное неисполнение решений вышестоящих органов, был доведен до логического завершения. ФНПР была учреждена как ассоциация структур, слабо связанных между собой организа-

ционными и финансовыми обязательствами.

3. Культ «низового» самоуправления, возникший в ходе полемики против «бюрократии центра», закрепил слабость вертикальных связей и координации.

Эти принципы, рожденные в контексте борьбы с советской гиперцентрализацией, в условиях рыночной экономики 1990-х и 2000-х годов обернулись хронической слабостью, раздробленностью и неспособностью российской профсоюзной системы эффективно защищать интересы работников [5]. Таким образом, реформа ВЦСПС оказала долгосрочное структурирующее воздействие, во многом предопределив модель постсоветского профсоюзного движения в России.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что реформа ВЦСПС 1987–1990 гг. не была периферийным эпизодом перестройки. Это был глубокий процесс институциональной трансформации, в котором сочетались идеологические установки эпохи (демократизация), ведомственные интересы разных уровней профсоюзной иерархии и попытки решения накопившихся управленческих проблем.

Однако логика реформы, основанная на упрощенном понимании демократии как децентрализации и сокращения аппарата, привела к системной деградации профсоюзной структуры. Ослабление финансовых, кадровых и управленческих ресурсов совпало с моментом наивысшего социального напряжения, что лишило общество важного инструмента регулирования трудовых конфликтов. Профсоюзы, вместо того чтобы стать проводником и организатором социального диалога, оказались его пассивными наблюдателями и, в известном смысле, жертвами.

Наследие этой реформы оказалось удивительно устойчивым. Принципы, заложенные в конце 1980-х годов в условиях кризиса одной системы, были перенесены в новую, рыночную реальность, где они способствовали воспроизводству структурной слабости профсоюзов. Изучение данного опыта представляет значительный интерес не только для историков, но и для социологов, политологов и практиков, занимающихся проблемами социального партнерства и коллективного представительства интересов, демонстрируя, как благие намерения по демократизации могут, при игнорировании институциональной логики, привести к прямо противоположным результатам и долгосрочным дисфункциям.

ЛИТЕРАТУРА

1. XVIII съезд профессиональных союзов СССР, 24–28 февраля 1987 года: Стенографический отчёт. М.: Профиздат, 1987.
2. Второй пленум ВЦСПС, 11–12 декабря 1987 г.: Стенографический отчёт. М.: Профиздат, 1988.
3. Третий пленум Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов, 5–6 августа 1988 года: Стенографический отчёт. М.: Профиздат, 1988.
4. Четвёртый пленум ВЦСПС, 18–19 января 1989 года: Стенографический отчёт. М.: Профиздат, 1989.
5. Учредительный съезд профсоюзов РСФСР, 21–23 марта 1990 года: Стенографический отчёт. М.: Профиздат, 1990.
6. Шершуков А. Незамеченные юбилеи. Очерк из истории российских профсоюзов // Газета «Солидарность». М., 2013. URL: https://www.solidarnost.org/articles/articles_1998.html (дата обращения: 15.12.2025).
7. Шершуков А. Россия: профсоюзы и рабочие организации. М.: Информационно-экспертная группа «Панорама», 1993.
8. Шершуков А. Разговор с Шалаевым // Газета «Солидарность». № 44, 45, 46, 47, 2025.

© Шершуков Александр Владимирович (asher2@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»